

МИГРАЦИОННЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

«ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ» ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НОРВЕГИИ В СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЯХ — КЛЮЧ К СТАБИЛЬНЫМ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

М. Ю. Задорин¹
Е. С. Котлова¹

Статья посвящена исследованию современной политико-правовой модели этнической политики Норвегии в северных губерниях. Целью исследования является анализ в исторической ретроспективе модели государственной этнической политики Норвегии в северных губерниях, определение ее операциональных возможностей, а также эффективности в условиях усиления миграционных потоков и изменения социально-экономического климата страны. Установлено, что в Королевстве Норвегия существует единый подход к государственной этнонациональной политике, основанный на декларируемом мультикультурализме, но в то же время в отношении ряда этнических групп применяются иные этнополитические модели. В связи с этим на данном этапе исторического развития в Норвегии на фоне провозглашаемого государственного мультикультурализма через призму интеграции в равной степени действуют модели аккультурации и ненасильственной ассимиляции. Зафиксированы спорадические проявления национализма и добровольной сегрегации. Несмотря на наличие единого государственного подхода в области этнополитики, а также политико-правовых достижений Норвегии в области прав коренных народов, правительство проводит дифференцированную «гибридную» этнонациональную политику в отношении этнических групп, проживающих на ее территории. Усиление внутривнутриполитической борьбы между «правыми» и «левыми» партиями в норвежском Парламенте (Stortinget) является одним из катализаторов непопулярных и ситуационных политических решений в области межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: Норвегия, миграция, этнополитика, право, национальный вопрос, аккультурация, ненасильственная ассимиляция, добровольная сегрегация, национализм, интеграция, мультикультурализм

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, 163002, Россия, Архангельск, наб. Северной Двины, 17.

Поступила в редакцию 16.04.2019 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2019-2-1

Для цитирования:

Задорин М. Ю., Котлова Е. С. «Гибридная модель» этнической политики Норвегии в северных губерниях — ключ к стабильным межнациональным отношениям // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 2. С. 4—16. doi: 10.5922/2079-8555-2019-2-1.

© Задорин М. Ю., Котлова Е. С., 2019

Введение

«Национальный вопрос» до сих пор сохраняет статус одного из самых сложных вопросов внутренней политики государства. Причины разнообразны: от «исторических обид» до пестрой этноконфессиональной композиции, от столкновения «индивидуальных» и «коллективных» прав до степени эффективности выбранной государством этнополитической модели.

Цель государственной этнополитической модели — стабилизация и регулирование общественных отношений, которые связаны с феноменом «этничности». В конечном счете это вопросы «политической идентичности» целой нации [1, с. 91].

Таким образом, этническая политика представляет собой деятельность государств по регулированию межэтнических отношений посредством формирования соответствующей институциональной системы в рамках определенной модели, содержание которой отражается в соответствующих нормативных и правовых актах концептуального и стратегического характера.

Формирование институциональной структуры этнополитической модели напрямую зависит от взаимодействия соответствующих «акторов», органов государственной власти, НКО, этнических сообществ и т. д.

Эффективность реализации модели обусловлена выстроенной системой управления, в рамках которой определены соответствующие индикаторы в виде агрегированных индексов в целях выявления ее устойчивости.

Если внимательно изучить стратегические документы в области этнополитики различных государств, исследователь вряд ли найдет предельно четкие критерии концепции «межэтнической стабильности», в том числе показатели, основанные на математических моделях. Для этих целей необходимо проведение полномасштабных социологических исследований.

Арктика — регион с высоким уровнем политической стабильности, что, в свою очередь, является фактором высокой миграционной активности населения (в том числе благодаря недавнему миграционному кризису) и представляет интерес с точки зрения «моделирования» этнонациональных процессов. Именно поэтому выбор трех северных норвежских губерний (*fylke*) — Финнмарк, Тромс и Нурланн — в качестве объекта исследования в целях экстраполяции положительного опыта в отношении арктических субъектов России представляется чрезвычайно своевременным и обоснованным.

Теоретические и практические подходы к этнонациональному «моделированию»

По мере развития современного общества этнополитические модели постоянно эволюционируют. Некоторые из них после 1945 года были отнесены к категориям международных преступлений по причине своей антигуманной и человеконенавистнической природы (например, геноцид и апартеид) [2, с. 151]. Такие модели направлены на доминирование одних расовых и этнических групп над другими, вплоть до физического уничтожения последних.

Большинство стран мира, являющихся государствами-участниками международных пактов о правах человека 1966 года, а также Конвенции о расизме 1965 года, на официальном уровне провозглашают реализацию модели *мультикультурализма*, которая стала применяться в Европе и Северной Америке более 35 лет назад. По мнению одного из самых ярких защитников этой модели У. Кимлики, мультикультурализм как политическая модель не ставит перед собой цели ассимиляции других культур [3].

Современному мультикультурализму и его вариациям предшествовали модели *ассимиляции*, *сегрегации* и *аккультурации* со своей национальной спецификой и институциональными особенностями в каждом из государств, где они применялись или применяются по сей день.

Основу в понимании *ассимиляции* заложили американские социологи Р. Паркс и Э. Бёрджесс, определив «механику» модели через знакомство, бунт, аккомодацию и, в конечном счете, поглощение принимающей культурой. А. Пор-

тес и Р. Румбо в конце 1980-х годов предложили теорию «сегментарной ассимиляции» отдельных сфер жизнедеятельности мигрантов, связанных с успешной социальной адаптацией [4].

Важно отметить, что ассимиляция не всегда касается мигрантов, она может относиться и к коренному населению. Более того, для ряда государств до сих пор продолжает действовать Конвенция МОТ № 107 (1957) о коренном населении, которая в отличие от Конвенции МОТ № 169 (1989) предусматривает постепенную культурную ассимиляцию и интеграцию «аборигенов».

Ряд исследователей XX века, например М. Гордон, в качестве базового этапа ассимиляции называли *аккультурацию*, которая первоначально связывалась с так называемой культурной диффузией (работы Р. Турнвальда). Дальнейшее теоретическое осмысление указанного феномена было осуществлено в 1960-е годы Т. Грейвсом [4].

Помимо государственных этнополитических моделей в рамках идеологии существуют модели, инициируемые снизу самими этническими группами, например *добровольная сегрегация* и *национализм*.

Традиционно в политической и юридической науке под сегрегацией понимается «насильственное отделение одной нации, этнической или иной группы от другой, зачастую сопряженное с дискриминацией одной из них» [5]. Запрет на подобные практики прямо установлен в международном праве, в частности в п. 1 ст. 1 Международной конвенции об апартеиде 1973 года.

С другой стороны, феномен «добровольной сегрегации» также имеет место. По информации консервативного британского издания *Daily Express*, в 2016 году зафиксировано более 900 зон в границах административных образований на территории Европейского союза, которые не находятся под контролем полиции в связи с утратой действия национальных законов и превалированием порядков, установленных мигрантами¹. В таком случае можно говорить о «добровольной сегрегации», которая, в свою очередь, способна провоцировать вспышки национализма и антииммигрантские настроения среди доминирующей этнической группы.

Кроме того, как отмечает Р. М. Планкина, нередко сам мультикультурализм, делая акцент на различии и многообразии культур, может провоцировать рост национализма [6, с. 109], в том числе его радикальных проявлений (дело В. Викернеса)².

«Норвежский контекст» этнонационального моделирования

В норвежской политической системе нет единого института, который бы отвечал за формирование этнической политики. Вопросы этничности прослеживаются в работе каждого министерства Норвегии. Их совместная работа составляет содержание этнополитического курса Норвегии, который задается правящей партией и премьер-министром и корректируется в результате парламентских и общественных обсуждений.

К разработке этнополитических стратегий и исследования узкоспециализированных вопросов, связанных с миграцией и коренным населением, при-

¹ Mowat L. Europe's no-go zones: List of 900 EU areas where police have 'lost control' to migrants // Express : [сайт]. URL: <http://www.express.co.uk/news/world/657520/Europe-no-go-900-EU-areas-police-lost-control> (дата обращения: 20.06.2017).

² Norway's most notorious musician to be released from prison // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/music/2009/mar/11/norwegian-black-metal-varg-vikernes> (дата обращения: 20.06.2017).

влекают сторонние научно-исследовательские организации и научные фонды. С этой же целью создаются различные комиссии, объединяющие парламентариев, представителей министерств, а также экспертов.

Условно этнополитику Норвегии можно разделить на два блока: политика, проводимая в отношении коренного населения (саамов) и национальных меньшинств, и политика, связанная с мигрантами.

Мигранты. Вопросы миграции преимущественно относятся к компетенции Министерства юстиции Норвегии, в состав которого входит Директорат по иммиграции («UDI»)³, чьи представительства находятся в каждой губернии страны. Система органов власти, занятых в области реализации национальной миграционной политики представляет собой взаимодействие четырех ведомств: Министерства юстиции и общественной безопасности, Министерства труда и социальных отношений, Министерства по делам детства, равенства и социальной интеграции, МИДа.

Политическая и административная ответственность принадлежит Министерству юстиции, его директоратам, а также подчиняющимся им службам, секторальная ответственность — оставшимся трем министерствам.

Горизонтальное распределение компетенций позволяет проработать каждый узловой момент этнополитики и увязать отраслевые вопросы, касающиеся мигрантов и коренного населения, с аналогичными, но затрагивающими норвежцев, то есть, по сути, уравновесить каждое звено системы, что немаловажно для достижения этнического мира и согласия. В то же время имеет место дублирование функций, что порой затрудняет взаимодействие органов власти, замедляет процесс принятия политических решений и реализации намеченного этнополитического курса [7, р. 34—65].

Примечательно, что до середины 1970-х годов Норвегия в принципе не сталкивалась с таким явлением, как массовая миграция из-за рубежа, а само общество традиционно было этнически и культурно однородным. Более того, существовала иммиграция самих норвежцев по ту сторону Атлантического океана [8, р. 4]. Именно феномен «социального государства» (ст. 110с Конституции Норвегии) повлиял на усиление иностранного миграционного потока, нередко без должной социально-культурной адаптации [9, р. 10—12], и формирование целой социальной прослойки новых граждан (прежде всего из азиатских регионов мира) с «низкой степенью интегрированности» [9, р. 64].

Кроме того, отмечена сегрегация на рынке недвижимости, которая привела к компактному проживанию мигрантов в больших городах [9, р. 65].

Отчасти «добровольная сегрегация» может провоцироваться и страхом перед сложившейся в Норвегии системой семейного права и ювенальной юстиции (*Barnevernet*).

В качестве примера можно привести скандальный случай 2014 года, когда служба опеки г. Тромсё изъяла ребенка у нерезидентов из России «по причине случайно выпавшего молочного зуба»⁴. Уже несколько лет граждане пытаются вернуть своего сына домой. Норвегия является государством-участником ряда международных соглашений по защите прав детей. В пп. 1.4 «Руководства по осуществлению мероприятий по защите детства в отношении детей, имеющих

³ *Om UDI. Hvem gjør hva i utlendingsforvaltningen?* // Utlendingsdirektoratet : [сайт]. URL: <https://www.udi.no/om-udi/om-udi-og-utlendingsforvaltningen/hvem-gjor-hva-i-utlendingsforvaltningen/> (дата обращения: 29.10.2017).

⁴ *Hundreds protest 'kidnapping' in Norway's Child Welfare System* // Russia Today : [сайт]. URL: <https://www.rt.com/news/263625-norway-children-welfare-protest/> (дата обращения: 20.06.2017).

связь с иностранным государством» (Circular № Q-42/2015), подготовленного Министерством по делам детей, равенства и социальной интеграции Королевства Норвегия, предусмотрено, что в соответствии с разд. 1 и 2 закона Королевства Норвегии «Об охране детства» от 17 июня 1992 года (The Child Welfare Act 1992) указанный акт применяется в отношении каждого ребенка, находящегося на территории Королевства Норвегия вне зависимости от его гражданства, резидентного статуса и времени пребывания.

Более того, согласно пп. 1.3 указанного Руководства, ссылаясь на § 2 ст. 8 Европейской конвенции 1950 года (*ECHR 1950*), Королевство Норвегия в лице своих государственных органов оставляет за собой право во вмешательство в частную и семейную жизнь, если это необходимо в интересах ребенка и демократического общества. В «Руководстве» прямо подчеркивается, что нарушение воли родителей на пребывание с ними их детей может быть оправдано исходя из указанных выше интересов ребенка и общества без дополнительной конкретизации.

Массовые протесты иностранцев в связи с изъятием детей из семей и передачей на воспитание в приемные норвежские семьи не остались незамеченными и на политической арене. Президент Чехии Милош Земан в 2015 году сравнил норвежскую ювенальную систему *Barnevernet* с нацистской системой *Lebensborn*⁵.

Очевидно, благодаря широкому общественному резонансу норвежские власти были вынуждены подписать Гаагскую конвенцию по защите детей 1996 года, которая учитывает родительские права, а также предусматривает процедуру восстановления нарушенных прав в связи с незаконным изъятием ребенка из семьи. Конвенция вступила в силу в Норвегии с 1 июля 2016 года.

Парламентские дебаты лета 2016 года были посвящены законодательной инициативе двух партий: «Хёйре» (*Høyre*) и Партии Прогресса (*Fremskrittspartiet*) — по внесению изменений в Закон об иностранцах, согласно которым устанавливались следующие нормативные нововведения: для воссоединения с семьей обязательность трехлетнего пребывания (работа, учеба) беженца на территории Королевства, а также наличие определенного лимита денежных средств для содержания семьи; для заключения брака беженцем на территории Королевства необходимость достижения обоими супругами возраста 24 лет⁶. Решение парламента по данному вопросу было отрицательным⁷.

Мигранты с образованием, полученным на территории Королевства, имеют преимущества при трудоустройстве. То же самое касается мигрантов с контрактом на полный рабочий день и сносно владеющих государственным языком. Ключевой акцент при трудоустройстве мигрантов делается на специфических «секторах экономики, где существует нехватка норвежских специалистов»⁸.

Социологический опрос Центрального статистического бюро показал, что более 44% норвежцев желают, чтобы мигранты стремились быть похожими на них, 40% не видят в этом необходимости, поощряя культурное разнообразие в

⁵ *Norway care system 'like Nazis': Czech President* // TheLocal.no : [сайт]. URL: <http://www.thelocal.no/20150210/norways-foster-care-system-like-nazi-programme> (дата обращения: 20.06.2017).

⁶ *Slik vil regjeringen stramme inn asylpolitikken* // NRK : [сайт]. URL: www.nrk.no/norge/slik-vil-regjeringen-stramme-inn-asylpolitikken-1.12885077 (дата обращения: 20.06.2017).

⁷ *Her er fem innstrammingsforslag Listhaug ikke fikk flertall for* // Aftenposten : [сайт]. URL: www.aftenposten.no/norge/politikk/Her-er-fem-innstrammingsforslag-Listhaug-ikke-fikk-flertall-for-330897b.html (дата обращения: 20.06.2017).

⁸ *Norway wants more migrant workers* // The Nordic Page : [сайт]. URL: <http://www.tnp.no/norway/panorama/4207-norway-want-more-migrant-workers/> (дата обращения: 20.06.2017).

своей стране, однако эти цифры весьма показательны. В то же время большинство норвежцев (свыше 80%) выступают против любой дискриминации на рынке труда⁹.

С другой стороны, на уровне политического истеблишмента видны довольно мрачные для мигрантов изменения, связанные с победой на последних парламентских выборах представителей «правых» и «центра»¹⁰ и острыми дебатами по миграционному вопросу в 2015 году [10]. А чудовищный теракт А. Брейвика¹¹ выявил серьезнейшую проблему скрытой нетерпимости к людям, пересекающим границу Королевства.

Коренной народ — саамы и национальные меньшинства. В отношении саамов в 1987 году был принят закон «О саамах» («The Sami Act»), § 2-1 которого определил роль Саамского парламента (норв. *Sametinget* или саамск. *Sámediggi*) как высшего представительного органа коренного народа, что значительно повысило его социально-правовой и политический статус. Норвегия — участник Конвенции МОТ № 169, в связи с чем подтверждается право саамов на самоопределение и широкую автономию.

Большая часть вопросов решается в рамках Министерства местного самоуправления и модернизации Норвегии, в составе которого существует Директорат по делам саамов и национальных меньшинств. Кроме того, Саамский парламент является одним из институтов норвежского государства, решает вопросы, непосредственно касающиеся культуры, языка, администрирования саамских территорий, а также некоторые правовые вопросы.

Широкой национально-культурной автономией пользуются национальные меньшинства Норвегии (квены, шведы, евреи и цыгане) с той разницей, что у них не существует своего представительного органа, то есть в правовом отношении они представляют собой некий переходный тип между мигрантами и коренным народом.

Влияние саамов на политическую систему норвежского государства может быть прямым (через участие их представителей в общенациональных выборах и членство в общенациональных партиях) и косвенным (через этнический парламент, международные организации (например, комитеты ООН), а также через разного рода культурные и некоммерческие организации) [11, р. 6—23].

Саамы Норвегии — одни из лидеров международного движения за права коренных народов. Еще в 1970-х годах норвежское общество и государство поддержало их стремление к «ревитализации» и юридическому закреплению прав. Норвегия была первой страной, решившейся на подобного рода изменения. Однако стоит отметить тот факт, что в Норвегии всего один коренной народ и предоставить ему широкие права и свободы, выходящие за рамки культурной автономии, намного проще, нежели совершить подобное в полиэтнической стране, например в России, где проживают более 160 народов, 47 из которых являются коренными малочисленными. Кроме того, в Норвегии проблемы коренного населения не переплетаются с конфессиональными противоречиями, так как и норвежцы, и саамы в основном приверженцы христианства.

⁹ *Dataene for den sociologiska meningsmåling // Statistisk sentralbyrå : [сайт]. URL: <http://www.ssb.no/statistikkbanken/selectvarval/saveselections.asp> (дата обращения: 20.06.2017).*

¹⁰ *Valgresultat // Kommunal- og moderniseringsdepartementet : [сайт]. URL: <http://valgresultat.no/?type=ko&%C3%A5r=2015> (дата обращения: 20.06.2017).*

¹¹ *Oslo District Court (Oslo tingrett) — Judgment // Lovdata : [сайт]. URL: <https://lovdata.no/static/file/834/toslo-2011-188627-24e.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).*

Опыт северных губерний

Губернии, губернские советы и коммуны являются проводниками государственной этнополитики на местах и адаптируют ее к условиям своих территорий и их этническому составу. Развитая система местного самоуправления, идеологически берущая свое начало еще от шведского реформатора Акселя Оксеншерна в XVII веке, позволяет на муниципальном уровне решать этнические вопросы максимально оперативно.

В то же время этнонациональная политика на Севере осложнена следующими факторами:

— наличие укорененного норвежского населения, мигрантов и коренного народа саамов, в отношении которых очевидно должны применяться совершенно различные подходы, связанные с историческими условиями проживания в Королевстве, когда одна группа испытала на себе все последствия колонизации и «норвегизации», а другая добровольно выбрала Норвегию в качестве своего нового места жительства;

— разнородность мигрантов и различная степень их интегрированности в норвежский социум, в том числе рост числа асоциальных элементов с криминальными наклонностями [12, p. 107—127];

— расселение мигрантов на территориях с низкой плотностью населения в соответствии с норвежской программой адаптации мигрантов¹², что психологически крайне тяжело для вновь прибывших [13, p. 44—48].

С другой стороны, именно благодаря низкой плотности населения и высокой толерантности жителей северных губерний стало возможным создание «гибридной» этнополитической модели. Например, в Финнмарке самый высокий показатель миграции в Баренцевом регионе: на 1000 жителей приходится 111,7 мигрантов, где свыше 38% — мигранты-россияне [14]. Основная причина — историческая близость границы [14, с. 71—84] и длительный процесс взаимной аккультурации [15, p. 519—535]. Причем в данном случае это именно процесс взаимного обмена элементами культур, в то время как ассимиляция носит однонаправленный характер.

В то же время в современных реалиях ассимиляция все же иная, ведь несмотря на мягкое, но все же принуждение, у иммигранта есть выбор принимать эти элементы культуры, встраивать их в систему своих культурных ориентиров или нет. Именно поэтому представляется справедливым назвать современную ассимиляцию ненасильственной.

Разные группы мигрантов имеют разный культурный бэкграунд, и то, что оказывается применимо, например, для русских в Киркенесе, не удастся в отношении более закрытых культур юга и востока.

Диаспора тайцев в г. Тромсё позиционирует себя достаточно открытой: работают рестораны, салоны красоты, проводятся национальные фестивали и различные культурные мероприятия. С другой стороны, при более внимательном рассмотрении можно выявить, что диаспора настроена только на контакты с теми, кто заинтересован в изучении ее культуры и ценностей.

Курдская диаспора г. Будё, напротив, крайне закрыта, ревностно охраняет собственную идентичность, несмотря на небольшие «послабления» для членов общины в условиях Королевства.

¹² *Lov om introduksjonsordning og norskopplæring for nyankomne innvandrere (introduksjonsloven)*. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-07-04-80?q=introduksjonsloven/> (дата обращения: 20.06.2017).

Одним из основных источников мигрантов служит университетская среда, именно она существенно влияет на увеличение их численности.

По данным Норвежского статистического бюро (*SSB*), по северным губерниям за 2016 год зафиксировано следующее количество мигрантов: Нурланн — 3294, Тромс — 2654, Финнмарк — 1471¹³.

Ситуации, когда аккультурация и ассимиляция не достигают своей цели или делают это частично, позволяют увидеть элементы сегрегации в отношении слабо интегрированных групп, как в упомянутом ранее случае с азиатскими диаспорами в Норвегии.

Таким образом, «гибридная модель» этнической политики Норвегии представляет собой реализацию дифференцированного подхода в отношении коренного населения и национальных меньшинств, а также мигрантов в зависимости от степени их интеграции в принимающем сообществе. Если с коренным населением все определено законом, то к мигрантам формально применяется политика мультикультурализма, видоизмененная ввиду ужесточения миграционного законодательства и сочетающая в себе элементы аккультурации и насильственной ассимиляции. Выбор элементов происходит исходя из практики взаимодействия с конкретной этнической группой (группами) и открытости самой группы, то есть способности воспринимать культурные элементы как принимающего сообщества, так и других иммигрантских культур. Низкий уровень этнической конфликтности (отсутствие открытого противостояния по признаку этничности) северо-норвежского общества подтверждает, что применение данной модели способствует стабилизации межэтнических отношений.

Норвежский опыт для России

Среди всех арктических государств-партнеров наиболее близкими к России считаются страны Скандинавии (в данном случае Норвегия). Близость обусловлена схожестью правовых систем, которые относятся к романо-германской правовой семье.

Однако нельзя говорить о тождественности российской и норвежской моделей. Связано это прежде всего с целым рядом предпосылок, не позволяющих в полной мере экстраполировать опыт норвежских партнеров к российским реалиям:

— Норвегия не является федерацией, в связи с чем гораздо проще решается вопрос об определении полномочий в системе государственного управления;

— территориальный и популяционный факторы позволяют решать вопросы максимально оперативно;

— в парламенте могут присутствовать члены ультраконсервативных партий с ярко выраженной антииммигрантской риторикой, что юридически и политически невозможно в России;

— на территории Норвегии проживает лишь один коренной народ — саамы, в отличие от России, где насчитывается 47 коренных малочисленных народов, 17 из которых живут на территории Арктической зоны;

— Норвегия — государство-участник Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств 1992 года, что накладывает на нее международные обязательства, в то время как Россия не ратифицировала указанный документ.

Как минимум пять этих факторов свидетельствуют о невозможности в полной мере распространения норвежской «гибридной модели» в отношении России.

¹³ *Immigrants and Norwegian-born to migrant parents* // Statistiks sentralbyrå. URL: <http://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innvbef> (дата обращения: 20.06.2017).

По своей сути этнополитическая модель России в отношении Арктических регионов (и страны в целом) является скорее «интеграционной», нежели «гибридной». Связано это прежде всего с вертикальной системой государственного управления в области этнополитики, где приоритет отдается Федерации (под руководством президента согласно ст. 80 Конституции), а не регионам и муниципалитетам, с нивелированием этнического фактора в публичной политике [16, p. 125—142].

Однако среди основных позитивных элементов, которые теоретически могут быть применены и в России, следует отметить следующие:

- использование миграционных потоков для заселения и освоения Арктической зоны;
- расширение полномочий муниципалитетов на уровне наиболее развитых Арктических субъектов (Ямала, ХМАО и Якутии) в целях апробации эффективных аккультурационных методик в отношении мигрантов;
- установление преимущества на получение постоянного вида на жительство для мигранта, получившего образование в стране пребывания;
- присоединение к Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств 1992 года.

Выводы

Этническая политика представляет собой деятельность государств по регулированию межэтнических отношений посредством формирования соответствующей институциональной системы в рамках определенной модели, содержание которой отражается в соответствующих нормативных и правовых актах, в том числе концептуального и стратегического характера.

Международное право, устанавливая обязательства государств по соблюдению коллективных прав этнических меньшинств, фактически определяет главенствующую роль мультикультуральной модели без учета регионального (географического) и других сопутствующих факторов.

В связи с этим мультикультурализм может восприниматься лишь в роли некой идеальной модели, без адаптации которой к реальному этнокультурному ландшафту государство может столкнуться с такими явлениями, как добровольная сегрегация иммигрантских сообществ и национализм как этнического большинства, так и меньшинств.

Анализ существующей норвежской этнополитической модели демонстрирует ярко выраженную «гибридизацию» модели мультикультурализма. Несмотря на традиционно высокий уровень толерантности норвежского общества, в стране явно прослеживается тенденция к ужесточению миграционного законодательства, вызванная миграционным кризисом 2015 года и экономическими сложностями в ряде отраслей экономики страны, что сделало голоса противников миграции более значимыми в политической жизни страны. Необходимость усиления интеграции вызвана растущим недовольством норвежского этнического большинства сложившейся практикой формирования слабо интегрированных групп мигрантов, боязнью «растворения» норвежской культуры в разнообразии эмигрантских культур.

На общенациональном фоне Северная Норвегия выступает в качестве одной из основных площадок для распределения миграционных потоков в страну. Целью миграционной политики на Севере Норвегии можно считать социальное и экономическое развитие этой малонаселенной территории. Этническая политика в этом регионе направлена на поддержание стабильности меж-

национальных отношений с учетом интересов коренного населения и национальных меньшинств, а также мигрантов, состав которых неоднороден, так же, как и их желание и способность к интеграции.

Таким образом, на Севере ставка делается именно на аккультурации как на наиболее безболезненной форме адаптации мигрантов. Особое внимание уделяется поддержке образовательной миграции, которая выступает в том числе проводником норвежской «мягкой силы» (*soft power*). Цель — «культурная прививка» и формирование у мигрантов схожих паттернов поведения, ценностей и привычек.

Принципиально жесткая позиция в области семейных правоотношений и опеки над детьми является следствием продвигаемой правительством политики «левого» парламентского большинства. Государство тем самым пытается перехватить инициативу родителей по воспитанию у детей тех ценностных установок, которые не соответствуют требованиям складывающейся этнополитической модели. Таким образом провоцируется замкнутость этнических сообществ, у которых сильны семейные традиции и существуют религиозные, в том числе архаические, представления о воспитании, морали и нравственности.

Представляется, что именно аккультурация как процесс формирования культурного симбиоза, порождая синтетические формы культуры, может стать наилучшим решением для обеспечения межэтнического согласия.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов», соглашение № 15-18-00104.

Список литературы

1. Фомин К.В. Модели политической идентификации (Ч. Тейлор, Э. Лакло, Ш. Муфф) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. №2. С. 90—98. doi: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.90.
2. Зайков К.С., Тамицкий А.М., Задорин М.Ю. Основы этнонациональной политики государства на примере Российской Федерации // Федерализм. 2016. №3 (83). С. 145—158.
3. Kymlicka W. Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights. Oxford, 1995. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/0198290918.001.0001/acprof-9780198290919> (дата обращения: 20.06.2017).
4. Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, №3 (74). С. 62—76.
5. Andersson R., Dhalmann H., Holmqvisti E. et al. Immigration, Housing and Segregation in the Nordic Welfare States. Helsinki, 2010. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25849/julkaisuc2.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).
6. Планкина П.М. К проблеме исследования бинарной оппозиции «свой — чужой» в рамках антропоцентрической парадигмы (на материале произведений Л.Н. Толстого, Г. Исхаки) // Филология и культура. 2015. №3 (41). С. 109—115.
7. Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton University Press, 2015.
8. Eriksen T.H. Immigration and national identity in Norway. Migration Policy Institute, Washington, D.C. URL: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/TCM-Norwaycasestudy.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).
9. Søholt S., Wessel T. Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policy // Norface. URL: <http://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Norway.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).
10. Ulserød T., Krastins J. The Norwegian response to the refugee crisis. Country Report // Konrad Adenauer Stiftung. URL: <http://www.kas.de/wf/en/33.43823/> (дата обращения: 20.06.2017).

11. *Josefsen E.* The Saami and the national parliaments: Channels for political influence // Inter-Parliamentary Union (IPU) and UN Development Program (UNDP). URL: <http://archive.ipu.org/splz-e/chiapas10/saami.pdf> (дата обращения: 27.11.2017).
12. *Skardhamar T., Aaltonen M., Lehti M.* Immigrant crime in Norway and Finland // Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention. 2014. №15 (2). P. 107—127. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/14043858.2014.926062>.
13. *Abebe D. S.* Public Health Challenges of Immigrants in Norway: A Research Review. Report 2. NAKMI — Norwegian Center for Minority Health Research. URL: <http://www.nakmi.no/publikasjoner/dokumenter/Public-Health-Challenges-of-Immigrants-in-Norway-nakmireport-2-2010.pdf> (дата обращения: 20.06.2017).
14. *Нильсен Й.П., Заиков К.С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к поморской зоне // Арктика и Север. 2012. №5. С. 71—84.
15. *Goldin V. I., Zaikov K. S., Tamitskiy A. M.* Sami in the history of Norwegian-Russian borderland: factor of tension or regional integration? // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. №37 (3). С. 519—535.
16. *Zaikov K., Tamitskiy A., Zadorin M.* Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic // The Polar Journal. 2017. №1 (7). P. 125—142. doi: [10.1080/2154896X.2017.1327748](https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1327748).

Об авторах

Максим Юрьевич Задорин, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2080-6752>

Екатерина Сергеевна Котлова, сотрудник Арктического центра стратегических исследований, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7623-3757>

THE 'HYBRID MODEL' OF NORWAY'S ETHNIC POLICY IN ITS NORTHERN COUNTIES: A KEY TO STABLE INTERETHNIC RELATIONS

M. Yu. Zadorin¹

E. S. Kotlova¹

¹ Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov
17 Severnoj Dviny emb., Arkhangelsk, 163002, Russia

Submitted on 16 April, 2019
doi: [10.5922/2079-8555-2019-2-1](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-1)

In this article, we study the political and legal model currently used by Norway in its Northern counties. This work is a part of comprehensive research supported by the Russian Science Foundation. Our study aims to provide a historical perspective to the model of Norway's national ethnic policy in the Northern counties by identifying the operational capabilities and assessing the efficiency of these models amid increasing migration flows and changes in the country's socio-economic environment. The methods we use in this multidisciplinary study are situated at the interface of national and international law, political science, history,

and sociology. They include the comparative historical method (the dynamics of ethno-political processes), the systemic method (ethnic policy in the framework of target-based programme management), the comparative law method (a comparison of national legal systems and international contractual standards), the value and norm-driven method (ethnic policy viewed through the prism of public good), institutional method (the role of political institutions), and the secondary analysis of sociological data. We also rely on qualitative methods, namely, the collection, analysis, and interpretation of data on ethnic diasporas living in the North of Norway. As a result, we establish that the Kingdom of Norway has a unified approach to national ethnic policy, which rests on self-confessed multiculturalism. However, different ethnic political models are applied in the case of certain ethnic groups. Today, against the background of declared state multiculturalism and integration, the models of acculturation and non-violent assimilation are both operational in Norway. There are sporadic expressions of nationalism and voluntary segregation. We conclude that, despite a unified approach to ethnic policy and despite Norway's political and legal achievements in the protection of indigenous peoples' rights, the country's government carries out a differentiated 'hybrid' ethnic policy towards ethnic groups living on its territory. The growing infighting between the right and the left parties in the Storting translates into unpopular and spur-of-the-moment political decisions as regards inter-ethnic relations.

Keywords: Norway, migration, ethnic policy, law, national question, acculturation, non-violent assimilation, voluntary segregation, nationalism, integration, multiculturalism

References

1. Fomin, K. V. 2017, The Models of Political Identification (C. Taylor, E. Laclau, C. Mouffe), *Vestn. Sev. (Arktich.) feder. un-ta. Ser.: Gumanit. i sots. nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University], no. 2, p. 90—98. doi: 10.17238/issn2227-6564.2017.2.90 (in Russ.).
2. Zaykov, K. S., Tamitskiy, A. M., Zadorin, M. Y. 2016, The fundamentals of ethno-national policy of a state on example of the Russian Federation, *Federalizm* [Federalizm], no. 3 (83), p. 145—158. (in Russ.).
3. Kymlicka, W. 1995, *Multicultural citizenship. A liberal theory of minority rights*. Oxford: Clarendon Press. URL: <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/0198290918.001.0001/acprof-9780198290919> (accessed 20.06.2017).
4. Kostenko, V. V. 2014, Migration theories: from assimilation to transnationalism, *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], T. XVII, no. 3 (74), p. 62—76 (in Russ.).
5. Andersson, R., Dhalmann, H., Holmqvisti, E. et al. 2010, *Immigration, Housing and Segregation in the Nordic Welfare States*. Helsinki. URL: <https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/25849/julkaisuc2.pdf> (accessed 20.06.2017).
6. Plankina, R. M. 2015, To Study the Issue of Binary Opposition “own — stranger” in the anthropocentric paradigm (based on the works of Leo Tolstoy, G. Ishaki), *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], no. 3 (41), p. 109—115 (in Russ.).
7. Eckstein, H. 2015, Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. *Princeton University Press*. P. 34—65.
8. Eriksen, T. H. 2013, *Immigration and national identity in Norway*, Migration Policy Institute, Washington, D. C. URL: <http://www.migrationpolicy.org/pubs/TCM-Norwaycasestudy.pdf> (accessed 20.06.2017).
9. Søholt, S., Wessel, T. 2010, Contextualizing ethnic residential segregation in Norway: welfare, housing and integration policy. *NORFACE*. URL: <http://blogs.helsinki.fi/nodesproject/files/2010/12/Norway.pdf> (accessed 20.06.2017).
10. Ulserød, T., Krastins, J. 2015, The Norwegian response to the refugee crisis. Country Report, Konrad Adenauer Stiftung. 23.12. URL: <http://www.kas.de/wf/en/33.43823/> (accessed 20.06.2017).
11. Josefsen, E. 2010, The Saami and the national parliaments: Channels for political influence, Inter-Parliamentary Union (IPU) and UN Development Program (UNDP). URL: <http://archive.ipu.org/splz-e/chiapas10/saami.pdf> (accessed 27.11.2017).

12. Skardhamar T., Aaltonen M., Lehti M. 2014, Immigrant crime in Norway and Finland, *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*, no. 15 (2), p. 107—127. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/14043858.2014.926062>.
13. Abebe, D.S. 2010, Public Health Challenges of Immigrants in Norway: A Research Review. Report 2. NAKMI — Norwegian Center for Minority Health Research. URL: <http://www.nakmi.no/publikasjoner/dokumenter/Public-Health-Challenges-of-Immigrants-in-Norway-nakmireport-2-2010.pdf> (accessed 20.06.2017).
14. Nilsen, J.P., Zaikov, K.S. 2012, The Norwegian-Russian Arctic Borderland: from the common districts till Pomor zone, *Arctic and North*, no. 5, p. 71—84.
15. Goldin, V.I., Zaikov, K.S., Tamitskiy, A.M. 2015, Sami in the history of Norwegian-Russian borderland: factor of tension or regional integration?, *Bylye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal* [Bylye Gody. Russian Historical Journal], no. 37 (3), p. 519—535.
16. Zaikov, K., Tamitskiy, A., Zadorin, M. 2017, Legal and political framework of the federal and regional legislation on national ethnic policy in the Russian Arctic, *The Polar Journal*, no. 1 (7), p. 125—142. doi: [10.1080/2154896X.2017.1327748](https://doi.org/10.1080/2154896X.2017.1327748).

The authors

Dr Maksim Y. Zadorin, Associate Professor, Department of International Law and Comparative Legal Studies, Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: m.zadorin@narfu.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2080-6752>

Ekaterina S. Kotlova, Fellow, Arctic Center for Strategic Studies, Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Russia.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7623-3757>

To cite this article:

Zadorin, M. Yu., Kotlova, E.S. 2019, The 'hybrid model' of Norway's ethnic policy in its northern counties: a key to stable interethnic relations, *Balt. reg.*, Vol. 11, no. 2, p. 4—16. doi: [10.5922/2079-8555-2019-2-1](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-1).